

УДК 929Пушкин Г.А.

ББК 83.3(2=411.2)52-8Пушкин А.С.,2

DOI 10.25281/0869-608X-2023-72-3-235-249

О.Н. НАУМОВ

Григорий Александрович Пушкин — сотрудник Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина

Реферат. На основе неизвестных материалов отдела рукописей и архива Российской государственной библиотеки (РГБ) реконструирована биография полковника Григория Александровича Пушкина (1868—1940), внука А.С. Пушкина. Рассказано о его службе в императорской и Красной армии, семье и сложном материальном положении после 1917 года. Показано, какими бюрократическими сложностями сопровождалось назначение ему персональной пенсии в 1923 г. и последующая помощь. Особое внимание уделено решению квартирного вопроса, получению жилья в Москве.

Впервые полностью опубликованы письма Г.А. Пушкина Г.П. Георгиевскому (1919), В.Д. Бонч-Бруевичу (1933) и П.С. Попову (1933), Ю.Н. Пушкиной В.С. Нечаевой (1936) и В.Д. Бонч-Бруевича Г.А. Пушкину (1933), хранящиеся в отделе рукописей РГБ.

На основе личного дела детально выяснена история устройства Г.А. Пушкина на работу в Государственную библиотеку СССР им. В.И. Ленина. В 1936—1938 гг. с ним заключались временные трудовые договоры, а на постоянной должности он находился только с января 1939 по январь 1940 года. Биография Г.А. Пушкина анализируется в контексте социальной истории русского дворянства после 1917 г., его адаптации к советской действительности. Сделан вывод о том, что официальные гонения на бывшую элиту способствовали появлению в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина сотрудников с обширными знаниями, владением иностранными языками, организаторским опытом. Они повлияли на развитие библиотеки как научного центра.

Ключевые слова: Г.А. Пушкин, русское дворянство, Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина, В.Д. Бонч-Бруевич, потомки А.С. Пушкина, эпистолярные источники, социальная адаптация.

Для цитирования: Наумов О.Н. Григорий Александрович Пушкин — сотрудник Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина // Библиотековедение. 2023. Т. 72, № 3. С. 235—249. DOI: 10.25281/0869-608X-2023-72-3-235-249.

Олег Николаевич Наумов,
Государственный университет
просвещения,
кафедра новейшей истории
России,
профессор
Радио ул., д. 10а,
Москва, 105005, Россия
Российская государственная
библиотека,
Центр по исследованию
проблем развития библиотек
в информационном обществе,
ведущий научный сотрудник
Воздвиженка ул., д. 3/5,
Москва, 119019, Россия
доктор исторических наук
ORCID 0000-0002-2442-2561
E-mail: onnaum@mail.ru

Рис. 1. Александр Александрович Пушкин.
Фотография. Автор неизвестен. 1900-е гг. Москва.
Государственный музей А.С. Пушкина.
ГМП КП-17312. Источник: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=16309110>

Пушкины вне закона

Идеология Советского государства, опираясь на учение о диктатуре пролетариата, требовала подавлять любое сопротивление свергнутых классов и перевоспитывать их самым решительным образом, поэтому все дворяне в СССР считались врагами трудового народа вне зависимости от пола, возраста и рода занятий, а в общественной иерархии занимали низшее место, официально преследовались и были лишены многих прав. У бывшей элиты имелось только два способа адаптации к изменившейся реальности: остаться в Советской России и пойти на компромисс с властью, приспособившись к новым социальным, политическим, экономическим и культурным тенденциям, или покинуть страну, отправившись в эмиграцию [1; 2].

Дворяне Пушкины также попали в категорию «классовых врагов» и испытали на себе всю строгость карающей социальной политики [3].

Особенно тяжело им пришлось в первые постреволюционные годы, когда официально сформулированное отношение к личности и творчеству А.С. Пушкина отсутствовало и оставалось неясным, в какой степени имя поэта можно использовать в идеологической борьбе.

Превратности судеб дворянства при советской власти отразил жизненный путь Григория Александровича Пушкина, единственного внука гения, оставшегося в СССР [о нем см.: 4, с. 311—328; 5, с. 239—249; 6, с. 327—328].

Офицер Пушкин

Г.А. Пушкин родился 15 сентября 1868 г. в Вильне [метрическое свидетельство см.: 7, л. 32], где при виленском генерал-губернаторе исправлял должность члена в Комиссии по крестьянским делам его отец, в дальнейшем генерал-лейтенант Александр Александрович Пушкин (1833—1914) (рис. 1). Сначала внук поэта учился в Пажеском корпусе, но в сентябре 1880 г., «по настоянию родных и лицейского начальства... в память деда» [8, л. 6]¹ был переведен в Императорский Александровский лицей. Как вспоминал один из однокурсников, «маленького, курчавого, коренастого Григория Пушкина за его замечательную силу прозвали в лицее пудофунтом. Все любили его веселую шутливость, добрый нрав и прекрасную душу» [9, с. 45].

Внук поэта окончил лицей с чином IX класса (титularный советник), но от гражданской службы отказался и 6 ноября 1889 г. поступил для отбывания воинской повинности на правах вольноопределяющегося в лейб-гвардии 2-й стрелковый батальон, квартировавший в Царском Селе. Через полгода — 6 мая 1890 г. — Г.А. Пушкин стал младшим унтер-офицером, 25 июня 1891 г. по экзамену, сданному в Первом Павловском военном училище, был переименован в подпрапорщики, а через несколько дней, 5 августа, произведен в подпоручики «как вполне достойный в нравственном отношении и по строевой подготовке» [10, л. 343]. Вершиной его карьеры стал чин полковника, полученный 6 декабря 1910 года. Служил внук поэта в 92-м пехотном Печорском полку, стоявшем в Нарве, а с 30 сентября 1914 г. командовал 91-м пехотным Двинским полком. Во время Первой мировой войны показал себя храбрым офицером, находился во многих сражениях, за боевые заслуги пожалован мечами к ордену Святой Анны 2-й степени (19 декабря 1914 г.),

орденами Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом (9 января 1915 г.) и 3-й степени с мечами (5 марта 1915 г.) (рис. 2). В боевой аттестации отмечались его личное мужество и знание военного дела [11, л. 11].

В октябре 1915 г. Г.А. Пушкин получил тяжелое ранение в голову [11, л. 9], поэтому 11 января 1916 г. оставил полк и оказался в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа. После выздоровления, с 22 октября того же года (по другим сведениями — с декабря [8, л. 7]), он был назначен помощником начальника 11-й пехотной запасной бригады в Москве, 27 ноября 1917 г. уволен в отставку по болезни и как достигший возраста 49 лет.

Материалы личного дела из архива РГБ дают уникальную возможность уточнить хронологию службы Г.А. Пушкина в советский период, которая описана в литературе искаженно и неполно. Как следует из собственноручно заполненного личного листка по учету кадров, 1 апреля 1918 г. внук поэта поступил делопроизводителем в Центральную коллегию по делам пленных и беженцев, с октября того же года до июня 1919 г. занимал аналогичную должность в Московском областном эвакуационном пункте военно-медицинского ведомства [8, л. 1 об., 7—7 об.].

В советской историографии утверждалось, что «после Октябрьской революции 1917 года Григорий Александрович Пушкин без колебаний переходит на сторону восставшего трудового народа. Явившись в солдатский комитет, он попросил использовать его военные знания в интересах революции» [12, с. 100]. Однако это не совсем так. Из публикуемого ниже письма к хранителю отдела рукописей и славянских старопечатных книг Государственного Румянцевского музея Г.П. Георгиевскому следует, что отправка на фронт стала для внука поэта полной неожиданностью [13, л. 1].

Таким же мифом является и то, что он служил под командованием К.Е. Ворошилова [12, с. 100]. Подобное утверждение потребовалось для того, чтобы доказать лояльность дворянина Пушкина к рабоче-крестьянской власти. К сожалению, это недостоверное известие повторяется и в современных справочниках [14, с. 382].

Находясь с 13 июня 1919 г. по 2 июня 1920 г. на фронте, Г.А. Пушкин из-за ранения занимал исключительно административно-хозяйственные должности: инструктор для поручений при инспекторе пехоты и был в распоряжении начальника санитарной части 9-й армии

Рис. 2. Григорий Александрович Пушкин. Почтовая карточка. Автор неизвестен. 1915 г. Нарва. Государственный музей А.С. Пушкина. ГМП КП-18034. Источник: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=17302712>

Южного (с 1 октября 1919 г. Юго-Восточного) фронта. Затем вернулся в Москву, где с 15 июня 1920 г. недолго служил в полевом штабе, с 2 августа — старший делопроизводитель штаба Войск обороны железной дороги, а в декабре всего на несколько дней — старший делопроизводитель в штабе недавно созданных Войск внутренней службы, которые занимались охраной тыла, с 20 декабря в той же должности — в Центральном управлении военных сообщений. Из-за последствий контузии 5 июля 1921 г. уволен в бессрочный отпуск [8, л. 1 об.].

Пенсия Г.А. Пушкина как зеркало советского бюрократизма

Покинув службу, Г.А. Пушкин вернулся домой и оказался в сложной жизненной ситуации. Необходимо было содержать большую семью, состоявшую из семи человек: его самого, жены Юлии Николаевны, рожденной Барте-

Рис. 3. Юлия Николаевна Пушкина. Фотография.
Автор неизвестен. Начало XX в. Царское Село.
Государственный музей А.С. Пушкина.
ГМП КП-21229. Источник: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=19109646>

невой (рис. 3), четырех несовершеннолетних мальчиков — родного сына Григория (родился в 1913 г.)² и детей супруги от первого брака: Федора (родился в 1905 г.), Николая (родился в 1907 г.) и Александра (родился в 1909 г.) Катыбаевых [15, с. 120]. Также с ними жила старушка-няня [16, с. 103].

В 1917 г. Г.А. Пушкин получал 1200 руб. жалования и 2700 руб. столовых, 14 августа 1918 г. за 29 лет военной службы ему назначили пенсию в 2418 руб. (431 из эмеритальной кассы и 1987 из казны) [11, л. 3, 4], которая не спасала от нищеты. Ранение вызывало постоянные головные боли, полноценно работать бывший офицер не мог. «Болен и к труду не способен», — отмечалось в документах [16, с. 101; 17, л. 89]. Кроме того, несмотря на службу в Красной армии, ему, как бывшему полковнику и дворянину, не вполне доверяли, долго припоминая, по свидетельству племянника Г.А. Галина, участие в наведении порядка в Москве в декабре 1905 г. [5, с. 240].

С 1917 г. семья Пушкиных жила в селе Лопасня (ныне город Чехов), в усадебном доме своих родственников Гончаровых-Васильчи-

ковых. Сюда же приехал и демобилизованный внук поэта. Он сразу же устроился на работу в учреждение, которое по-разному называлось в литературе. Сын Г.Г. Пушкин и Г.А. Галин считали, что бывший полковник был бухгалтером в местном райпотребсоюзе [5, с. 243; 18, с. 3], а В.М. Русаков — «в местном кооперативе» [15, с. 119]. Сам Г.А. Пушкин при устройстве в Государственную библиотеку СССР им. В.И. Ленина в одном документе написал, что в 1921—1922 гг. состоял секретарем в Лопасненском потребительском обществе, а в другом — в Лопасненском обществе потребителей [8, л. 6 об., 7 об.]. Однако проработал он недолго: подвело подорванное на фронте здоровье и, кроме того, попал под сокращение штатов [8, л. 7 об.; 18, с. 3].

Фактически семью содержала одна Ю.Н. Пушкина, которая преподавала немецкий язык в школе II ступени, размещенной в той же усадьбе Гончаровых-Васильчиковых. Г.Г. Пушкин вспоминал, что отец его «был очень трудолюбив, не мог празднично проводить время. Он помогал маме по ведению домашнего хозяйства... проверять тетради ее учеников, так как хорошо знал немецкий и французский языки» [18, с. 3]³.

Семья бедствовала, поэтому уже весной 1922 г. возник вопрос об усиленной пенсии и пайка Г.А. Пушкину и его сестре, пожилой и одинокой Анне Александровне Пушкиной, бывшей гофмейстерине двора великого князя Петра Николаевича. О помощи потомкам поэта ходатайствовало Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями (Главнаука), находившееся в ведении Народного комиссариата просвещения (Наркомпрос) РСФСР, но коллегия Народного комиссариата социального обеспечения (Наркомсобес) РСФСР 6 апреля 1922 г. просьбу отклонила, сославшись на отдаленность родственной связи с А.С. Пушкиным. Тогда в дело вмешался лично А.В. Луначарский, который постарался придать вопросу политическую злободневность и связать с культурной жизнью страны. Признав с формальной точки зрения отказ правильным, народный комиссар (нарком) просвещения мотивировал необходимость пенсии недавним «празднованием» 85-летия со дня смерти А.С. Пушкина и просил удовлетворить ходатайство «в виду исключительности и особенности данного случая» [19, л. 2]. Наркомсобес обращение долго игнорировал, и Наркомпрос потребовал ускорить рассмотрение дела [19, л. 4, 6]. Наркомсобес просьбу

снова не удовлетворил, сославшись на декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 5 декабря 1921 г., согласно которому «усиленная пенсия назначается в случае постоянной утраты трудоспособности лицам, имеющим крупные заслуги перед Республикой, а в случае смерти таких лиц, нетрудоспособным членам их семей, находившимся при жизни этих лиц на их иждивении». Далее включалась бюрократическая логика: поскольку А.С. Пушкин не находился на иждивении своего внука, то и пенсия тому не положена [19, л. 5].

А.В. Луначарский не сдавался. На заседании коллегии Наркомпроса 24 мая 1923 г. «бедственное положение внуков Пушкина» обсуждалось повторно. Заместителю наркома просвещения М.Н. Покровскому было поручено возобновить ходатайство о пенсии [20, л. 2, 3]. На этот раз дело увенчалось успехом, Г.А. Пушкину установили персональную пенсию в 75 руб. [8, л. 1 об.]⁴. Значение этой мизерной, хотя и персональной суммы не стоит преувеличивать. Существенно исправить финансовую ситуацию она не могла.

В мае 1928 г. председатель Пушкинской комиссии АН СССР П.Е. Щеголев направил члену коллегии Наркомпроса А.И. Свидерскому справку, составленную секретарем этой комиссии В.С. Нечаевой⁵. В документе указывалось, что пенсии Г.А. Пушкина и зарплаты Ю.Н. Пушкиной «с трудом хватает» на жизнь, материальное положение «очень тяжело», семья «постоянно нуждается в самом необходимом, особенно в одежде» [16, с. 103].

О материальных проблемах потомков великого поэта узнали за границей. В 1924 г. посылками Американской администрации помощи (АРА) и деньгами Г.А. Пушкину помогал президент Чехословацкой республики Т.Г. Масарик. Скандальная ситуация вышла на международный уровень и могла обернуться для СССР серьезными имиджевыми потерями. Чтобы их избежать, власть стала более активно помогать потомкам А.С. Пушкина. В феврале 1926 г. через Центральную комиссию по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) при Совете народных комиссаров (Совнарком) РСФСР Г.А. Пушкину с сыном выделили целых 150 рублей. Единоновременно, конечно [16, с. 101]. В 1927 г. она же выделила всей семье бесплатную месячную путевку в подмосковный санаторий «Сосновый бор» [15, с. 316—317].

О помощи Пушкиным с удовольствием сообщала советская пресса, преподнося ее как

выражение благодарной памяти перед поэтом. Однако такая информация иногда вызывала не одобрение, а зависть и даже протесты, причем не только со стороны простых трудящихся, но и интеллигенции. Г.А. Галин описал случай, как в 1937 г. на заседании, где обсуждалась материальная поддержка для потомков поэта, и в их присутствии пушкинист Т.Г. Цявловская, сама дочь министра народного просвещения при Николае II, внезапно заявила: «Но мы не должны забывать, что они [Пушкины] дважды породнились с царствующей до 1917 года династией Романовых», после чего бывшая при этом А.А. Пушкина встала и молча вышла из комнаты [5, с. 233—234].

Особенно трудно стало семье Пушкиных после того, как весной 1933 г. Юлия Николаевна была признана инвалидом и покинула работу. Об этой ситуации Г.А. Пушкин рассказал в письме от 13 февраля 1933 г. литературоведу и историку Павлу Сергеевичу Попову (1892—1964):

«Многоуважаемый Павел Сергеевич!

Еще раз от всей души благодарю Вас за все Ваши хлопоты, так отрадно теперь видеть такое к себе — столько внимания, как Вы мне оказываете. Из Вашего письма я вижу, что Вы не уяснили себе смысл моей телеграммы, последнее слово “крайность”⁶ означало наше теперешнее положение. Дело в том, что болезнь жены принимает затяжной характер. Ее посылают в Москву, во-первых, получить снимок лучами и, в зависимости от результата, лечиться, а денег нет. Жене дают месячный отпуск по болезни, и чем скорее будут деньги, тем дольше она может пролечиться; отпуск ей дают 15-го, и 18-го она должна быть в поликлинике для получения направления для снимка, т[ак] к[ак] предполагают или ишиас⁷, или туберкулез в ноге вследствие ушиба. Я предполагаю приехать 18-го на один день, чтобы успеть вернуться к отъезду жены. Я непременно буду у Вас, во-первых, чтобы еще раз Вас поблагодарить за все Ваше внимание, и еще хотел с Вами посоветоваться о дальнейших шагах. Надеюсь, что ничто не помешает мне в моих намереньях, а пока остаюсь благодарный Вам и уважающий Вас Г. Пушкин» [21, л. 1—1 об.].

Видимо, в связи с болезнью жены Г.А. Пушкин ходатайствовал перед Всероссийским центральным исполнительным комитетом (ВЦИК) о повышении не менявшейся в течение 10 лет пенсии. Момент для просьбы оказался чрезвычайно удобным. Приближа-

лось 100-летие с момента гибели его великого деда. Оно с размахом отмечалось по всей стране на государственном уровне, оказавшись одной из крупнейших идеологических кампаний сталинской эпохи. В таком контексте вопрос о поддержке решился гораздо проще, чем в прошлый раз, в апреле 1933 г. Секретариат ВЦИК постановил передать дело в Комиссию по назначению персональных пенсий, и через некоторое время Г.А. Пушкин стал получать уже 300 рублей. Кроме того, в 1935 г. 500 руб. ему выделили единовременно [16, с. 102].

Ни повышение пенсий, ни одноразовые выплаты не могли помочь Пушкиным справиться с материальным кризисом полностью, все это были лишь полумеры, не изменявшие ситуацию кардинально.

Квартирный вопрос

Не менее остро, чем финансовые проблемы, в начале 1930-х гг. стоял перед Г.А. Пушкиным пресловутый квартирный вопрос. Семья жила в двух маленьких комнатах около чердака школы, в которой работала Юлия Николаевна. В уже упомянутой справке отмечалась необходимость переезда семьи в Москву — и из-за тесноты, и из-за негативного отношения местных жителей к родственникам помещиц Гончаровых. Требовалась трехкомнатная квартира, а также работа для Г.А. Пушкина (счетоводом или бухгалтером) и его жены. О ситуации знала ЦЕКУБУ, обещала помочь, но ничего не сделала [16, с. 104; 22, л. 6].

Многолетняя бытовая неустроенность привела к тому, что в 1929 г. Г.А. Пушкин попросил комнату в Доме престарелых ученых в Неопалимовском переулке в Москве [16, с. 102]. В том же году Ю.Н. Пушкиной предложили работу в сельскохозяйственном техникуме «Новый быт», который размещался в бывшем монастыре Давыдова пустынь. Она согласилась, поскольку предполагалось, что в этом заведении будет учиться сын Григорий. В октябре 1930 г. Пушкины покинули усадьбу Гончаровых-Васильчиковых и оказались на новом месте, где прожили до октября 1932 года. Затем они ненадолго вернулись в Лопасню [5, с. 243].

Когда Ю.Н. Пушкина из-за инвалидности не смогла работать, от семьи потребовали покинуть служебную квартиру. После этого переезд в Москву стал неизбежен, поэтому Ю.Н. Пушкина просила жилищный отдел Моссовета о выделении квартиры. Было ясно, что для по-

ложительного решения вопроса необходима поддержка влиятельного лица, поэтому 12 мая 1933 г. Г.А. Пушкин обратился к директору Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики, старому большевику В.Д. Бонч-Бруевичу со следующим письмом:

«Многоуважаемый Владимир Дмитриевич!

К крайнему моему сожалению, обстоятельства не позволили мне лично до сих пор поблагодарить Вас за Ваше внимательное ко мне отношение, но нездоровье жены, принуждающее ее жить почти все время в Москве, и боязнь оставить одну в деревне тоже больную престарелую ее родственницу не позволили мне отлучаться из Лопасни. Но все же я решаюсь обратиться к Вам с просьбой. Дело в том, что теперь меня ничего не удерживает в Лопасне: жена признана врачами инвалидом и должна прекратить педагогическую деятельность, а вместе с тем лишается казенной квартиры; кроме того, сын мой в этом году кончает техникум вблизи Лопасни, и кроме старых воспоминаний никаких связей у меня не остается. Я надеюсь, что сын мой будет иметь возможность продолжать свое образование в Москве, но для этого надо жить в Москве, а квартирный вопрос самый трудный. Жена моя должна была подать мое заявление в Жилищный отдел Моссовета, но я боюсь, что оно, не поддержанное авторитетными лицами, останется без результата, и вот моя просьба к Вам: не найдете ли возможным поддержать в Моссовете мою просьбу? Остаюсь в надежде, что не получу от Вас отказа в моей просьбе.

Остаюсь готовый к услугам Г. Пушкин» [23, л. 3—3 об.].

В решении квартирного вопроса принял участие Союз писателей СССР. От него за подписью А.А. Фадеева в президиум Моссовета было отправлено официальное письмо с ходатайством предоставить Г.А. Пушкину жилую площадь [15, с. 119—120].

Не дожидаясь реакции на обращение, в июне 1933 г. Пушкины переехали в Москву и поселились на съемной квартире [5, с. 244; 8, л. 7 об.]. По всей видимости, именно о ней вспоминал Г.Г. Пушкин (рис. 4), утверждавший, что сначала семья жила на окраине города, в д. 10 по Кирпичной ул., уплотнив священнослужителя одной из московских церквей [18, с. 5].

Наконец, в апреле 1935 г. у Пушкиных появилась собственная квартира. Она находилась в новом доме, построенном для жилищно-строительного кооператива Товарищества «Изо-

терма». В литературе сообщается, что жильё располагалось по адресу ул. Рождественка, д. 21 [5, с. 244—245; 16, с. 102], недалеко от Пушкинской площади, где стоит самый известный памятник великому поэту. На самом деле, адрес был иным. Письмо Ю.Н. Пушкиной к В.С. Нечаевой [24, л. 2 об.] свидетельствует, что официально семья жила в Нижнем Кисельном переулке, в угловом доме 7, хотя он действительно выходил одним из фасадов на Рождественку, по которой числился под номером 21.

Отдельная, да еще пятикомнатная квартира в центре была редкостью для переполненной Москвы, большинство населения которой теснилось в коммуналках. В апреле 1935 г. газета «Вечерняя Москва» подробно описала жильё Г.А. Пушкина, упомянув и о центральном отоплении, и о ванне, и о газе — почти недоступных для простого советского человека благах [25]. Статью эту 25 июня 1936 г. перепечатала парижская газета «Последние новости» [вырезку см.: 26, л. 8, 9].

Письма Г.А. Пушкина в отделе рукописей Российской государственной библиотеки

Перед 100-летием со дня смерти А.С. Пушкина музеи чрезвычайно интересовались рукописями и памятными вещами, которые могли сохраниться у его потомков. Те оказались в центре назойливого и небескорыстного внимания. Подобное отношение демонстрирует письмо В.Д. Бонч-Бруевича Г.А. Пушкину от 16 февраля 1933 г.:

«Многоуважаемый Григорий Александрович, Вы, наверное, уже знаете, что, наконец, собранные Вами документы Вашего гениального деда А.С. Пушкина и принесенные Вами [П.С.] Попову, наш Центральный литературный музей приобрел за 12 тыс[яч] рублей. Чек на эти деньги уже мною затребован из Наркомпроса, на днях он получится и тогда Вам придется приехать сюда, чтобы получить его, а по нему — деньги в Московской конторе Государственного банка.

Мы очень счастливы и рады, что, наконец, эти документы находятся во вполне безопасном месте, в государственном хранилище, будут разрабатываться и печататься как 1-й том нашей «Летописи Центрального литературного музея» [27].

Осматривая их, меня невольно охватило грустное чувство при виде значительных по-

Рис. 4. Григорий Григорьевич Пушкин. Фотография. Автор неизвестен. 1930-е гг. Государственный музей А.С. Пушкина. ГМП КП-28176. Источник: <https://goscatalog.ru/portal/#/collections?id=20674457>

вреждений, нанесенных документам плесенью и мышами, и я чувствую потребность написать Вам это письмо и просить Вас самым тщательным образом осмотреть все закоулки Ваших чердаков, сундуков, столов, чуланчиков и пр[очих] мест. Почем знать, не лежит ли еще где-нибудь, завалившись за какую-нибудь балку или трубу, какая-нибудь пачка документов той же эпохи, которая имеет прямое отношение к делам и дням жизни всем нам дорогого нашего незабвенного Александра Сергеевича? Очень прошу Вас энергично просмотреть все и знать, что это дело не только Вы делать вправе, но, в буквальном смысле слова, обязаны перед прошедшими, настоящим[и] и будущими поколениями.

Кроме того, я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы мне указали всех лиц из Ваших родственников и знакомых, в отношении которых можно предположить, что какие-либо документы, связанные с А.С. Пушкиным, могут еще у них находиться.

А также, нет ли у Вас фотографий того времени, книг с автографами, дагер[р]отипов, картин и пр[очего], и т[ому] п[одобного]. Обо всем, пожалуйста, сообщите.

Помимо чисто пушкинских материалов очень хотелось бы знать, нет ли у Вас также материалов его современников и вообще той или другой эпохи XIX века? Я буду очень рад Вас видеть лично. Пожалуйста, постарайтесь, когда будете ехать в Москву, побывать в день моих приемов и мы с Вами повидаемся в Государственном Толстовском музее, где я принимаю 2, 8, 14, 20, 26 каждого месяца, от 1 ч[асу] до 4-х (улица Кропоткина, 11). Ответ же мне пишите по моему личному адресу: Москва, 9, Большой Кисловский пер[еулок], д[ом] 5, кв[артира] 2.

Мне очень хотелось бы, кроме того, чтобы Вы установили, когда и кто был у Вас ранее: Щеголев или кто-либо другой, и кто именно другой и, если Вы помните и знаете, что они у Вас брали из документов?

Всего Вам наилучшего» [28, л. 1—1 об.].

Ответ от 7 марта 1933 г. должен был разочаровать собирателя литературных раритетов. Г.А. Пушкин по-военному четко описал печальную судьбу пушкинских вещей в период политических потрясений:

«Многоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Страшно извиняюсь пред Вами, что так поздно отвечаю на Ваше письмо. Но дело в том, что я надеялся лично быть у Вас в Москве, но болезнь живущей у нас старушки не позволила мне отлучиться более суток, и я к Вам не мог явиться. Теперь постараюсь ответить на Ваши вопросы; но, к сожалению, ответы мои будут неутешительны. Из дома б[ывшего] Гончаровых в с[еле] Лопасни мы выехали в октябре 1930 г. и теперь там не осталось никакого следа нашего пребывания, на чердаке нет следа даже домашнего хлама и старых журналов, которые мы там оставили. Из вещей, относящихся к той эпохе, у меня ничего нет; мой отец скончался в день объявления [Первой мировой] войны, и моя мачеха⁸ ликвидировала квартиру в Москве и все вещи, альбомы, книги сдала на хранение в б[ывшие] Ступинские склады. Когда я в конце [19]16-го года получил назначение в Москву, то я взял из склада только необходимую обстановку, т[ак] к[ак] считал, что мое назначение в Москву временное и куда придется переехать, не знал. С началом революции склады эти были национализированные⁹, и все вещи пропали бесследно. Указать кого-либо, у кого могли бы находиться какие-либо документы — не могу. За время житья в Лопасне потерял связь со всеми знакомыми. Единственное, про что я слы-

шал — это портреты Марии Александровны Гартунг¹⁰ и Наталии Александровны графини Меренберг¹¹, которые продавал худ[ожник] Нестеров¹², но как они к нему попали — не знаю, т[ак] к[ак] не в курсе этого дела, принадлежали они М.А. Гартунг. Что же относится до Щеголева или кого-либо другого, то безусловно никто в Лопасню не приезжал¹³, а как бумаги попали к Щеголеву, может объяснить П.С. Попов, посвященный мною в это дело. Не теряю надежды лично быть у Вас в Москве и устно дополнить написанное.

Уважающий Вас Г. Пушкин» [23, л. 1—2 об.].

После обретения квартиры и прибавки к пенсии жизнь Пушкиных, казалось бы, должна была стать спокойной и обеспеченной, но так не произошло. Семья по-прежнему находилась в отчаянном материальном положении. О нем эмоционально рассказала Ю.Н. Пушкина в письме к В.С. Нечаевой, известной отзывчивым отношением к людям.

Предварительно следует уточнить датировку этого источника. В архивной описи он отнесен к 1920-м гг., что не соответствует действительности. Между тем год легко устанавливается по упомянутому поступлению Г.А. Пушкина на работу в мае. Единственный раз в том месяце трудовой договор между ним и Государственной библиотекой СССР им. В.И. Ленина заключался в 1936 году. На тот же год указывают отсылки к предстоящим торжествам по поводу смерти А.С. Пушкина (1937) и к службе Г.Г. Пушкина в Красной армии, а сетования о скорой осени позволяют датировать текст концом лета 1936 года.

«Многоуважаемая Вера Степановна.

Извините меня, что я обращаюсь к Вам с просьбой, но Вы имеете частое общение с Ел[еной] Фед[оровной]¹⁴ и, быть может, найдете возможным сказать ей то, что я пишу Вам. Пока я могла работать и поддерживать семью, я молчала, но сейчас ввиду моей и нервной, и сердечной болезни я инвалид, хотя и бодрюсь, и стараюсь держать себя в руках. Гр[игорий] Ал[ександрович] обращался к Ел[ене] Фед[оровне], и она обещала выхлопотать мне путевку для отдыха. Я с благодарностью это отклонила. В таком нервном состоянии, в кот[ором] я нахожусь, я еле выживаю день в Лопасне, мысль о смерти вдали от Г[ригория] А[лександровича] меня гнетет, и я еду обратно. За лето в такую жару я из-

велась окончательно и не знаю, что с собою делать. Г[ригорию] А[лександровичу] очень трудно работать, я это вижу и страдаю вдвойне, но без работы жить нельзя. Он получает 300 р[ублей] пенсии, из них сто отходит на квартиру и заем, оставалось 200 р[ублей] на четверых, так как Гриша в армии, и ввиду его болезни его¹⁵ надо было его подкармливать, так как (еда в армии не плохая) аппендицит не давал ему покоя. Сейчас он оперировался и выбыл на маневры. На 200 р[ублей], конечно, жить было нельзя, и начались долги, платежи, отсрочки, и затянулись мы так, что я зимой форменно сходила с ума. Союз писателей дал Г[ригорию] А[лександровичу] 1000 р[ублей], кот[орые] сейчас же пошли на выплату срочных долгов и на мое лечение. В мае Г[ригорий] А[лександрович] получил место, и те 300 р[ублей], кот[орые] он получает, идут на погашение оставшихся долгов, а нам снова остается 200—250 р[ублей] на жизнь! Опять новые долги, а подходит осень, зима, а одеться нам не во что, все пришло в ветхость, поддерживать питание Г[ригория] А[лександровича] — не на что. В ноябре мы ждем маленького-ую Пушкина-у, купить кроватку или коляску не на что, жена Гриши¹⁶ работает, помогает матери и, конечно, сделать кроме кое-чего из белья ребенку не сможет. Мои дети от первого брака женаты, имеют детей и сами еле-еле выкарабкиваются. Один только Николай холост и помогает мне. О том, чтобы к юбилею А.С. Пушкина мы могли бы присутствовать на торжествах, и говорить нечего. Ни костюмов, ни шубы у нас приличных нет. Я прошу Вас, если только найдете возможным, доложить Е[лене] Ф[едоровне] и комитету¹⁷ об этом; если же Вы не найдете удобным это сделать, научите меня, как мне поступить; но силы мои уменьшаются, а я так хотела бы дождаться лучшей жизни Г[ригория] А[лександровича] и Гриши с его женой и будущей крошкой.

Я хотела принести Вам показать вещи, которые отдала мне Нат[алья] Ив[ановна] Гончарова¹⁸, они той эпохи (это зонтики, веер и флакон), но не выдаю их за пушкинские, ибо стыд имею, но мне кажется, это не интересно для музея, и я поставила на этом крест. За ответ буду крайне признательна. Наш адрес: Москва, 91, Нижне-Кисельный пер[еулок], д[ом] 7, кв[артира] 13. Прошу еще раз простить мое письмо — но от энергичной Ю[лии] Н[иколаевны] остался один вздох. Всего хорошо.

Уважающая Вас Ю. Пушкина» [24, л. 1—2 об.].

Библиотекарь Пушкин

С Государственным Румянцевским музеем (впоследствии Государственной библиотекой СССР им. В.И. Ленина) Г.А. Пушкин был связан давно. Он сыграл большую роль в истории спасения рукописей А.С. Пушкина, в частности автографа «Истории Петра Великого», несколько листов которого уже использовали в лопасненском доме на хозяйственные нужды.

В 1919 г., отправляясь в Красную армию и желая обеспечить семью материально, внук поэта вопреки мнению родственников продал туда величайшую семейную реликвию — дневник деда, перешедший к нему после смерти тетки, старшей дочери поэта М.А. Гартунг в марте того же года. Переговоры велись с Г.П. Георгиевским, а посредником выступила Ольга Михайловна Веселкина (1873—1949), бывшая с 1909 по 1918 г. начальницей Александровского женского института благородных девиц, троюродная племянница Михаила Юрьевича Лермонтова и Петра Аркадьевича Столыпина. С октября 1918 г. она работала научным сотрудником в библиотеке Государственного Румянцевского музея [29].

Вот текст письма Г.А. Пушкина Г.П. Георгиевскому от 1/14 июня 1919 г.:

«Многоуважаемый Григорий Петрович.

Заходил к Вам два раза, но оба раза Вы были в отпуску. Дело в том, что дневник я отыскал и, хотя в семье против того, чтобы его уступить теперь, но в виду изменившихся обстоятельств, я сегодня заходил к Вам, чтобы переговорить об нем. Вчера экстренно я призван на фронт и завтра в 10 ч[асов] утра уже отправляюсь с особым эшеленом, должно быть на Южный фронт. Я поручил его жене моей Юлии Николаевне, и она уже переговорит с Вами. Дорогой Григорий Петрович, я Вам чистосердечно говорю, что это последнее средство к жизни моей семьи и надеюсь, что в память деда Вы сделаете все возможное, чтобы возможно полнее обеспечить мою семью. Когда я был еще в Москве, то мог кроме моей службы еще кой-чем помогать жене и детям, но, будучи на фронте, при теперешнем положении дел оказывать помощь семье я почти лишен возможности. Жену мою с девичества знает Ольга Михайловна Веселкина, и жена обратится к Вам через ее посредство. Извините за нескладное письмо, но страшно тороплюсь, время так мало.

Остаюсь глубоко уважающий Вас, готовый к услугам Г. Пушкин» [13, л. 1—2].

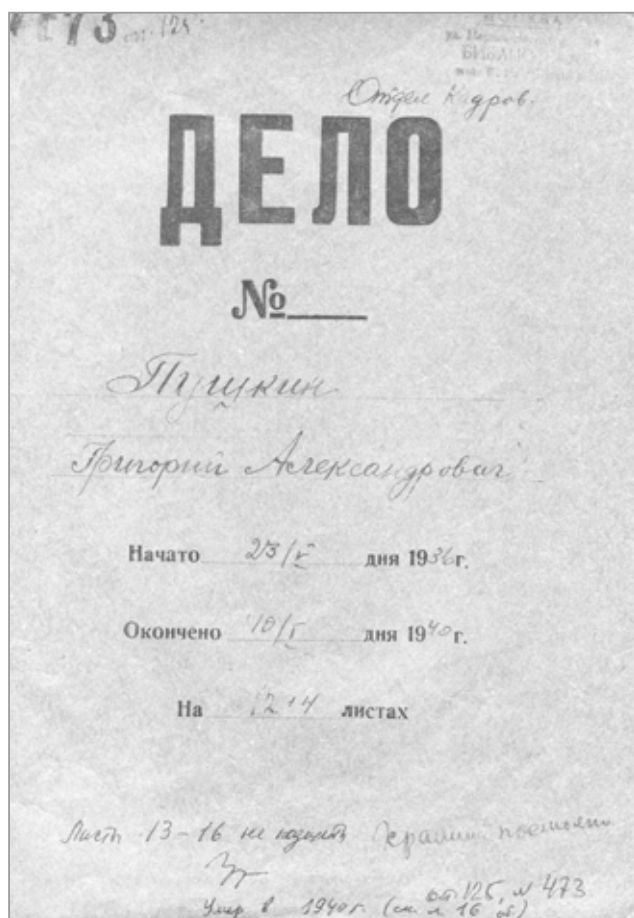

Рис. 5. Личное дело Г.А. Пушкина. Обложка [8]

Уже через неделю, 20 июня 1919 г., Г.П. Георгиевский выдал Ю.Н. Пушкиной расписку в том, что дневник поэта на хранение принят [публикацию см.: 5, с. 242].

Незадолго до юбилейного 1937 г., наконец, была решена проблема трудоустройства Г.А. Пушкина. Его приняли в самое подходящее место — Государственную библиотеку СССР им. В.И. Ленина, давшую после 1917 г. прибежище и спасение многим гонимым отовсюду «бывшим» [например, см.: 30].

Несмотря на родство с великим поэтом, при устройстве Г.А. Пушкина на работу возникли те же трудности, что и для других дворян. С одной стороны, он являлся по происхождению классовым врагом, служил в царской армии в значительном чине полковника, имел родственников-эмигрантов, с другой — участвовал в Гражданской войне на стороне красных, обладал хорошим образованием и, главное, был единственным внуком А.С. Пушкина в стране, однако определенное недоверие к нему сохранялось. Оно выразилось в том, что несколько лет работал по договорам, то есть временно.

Небольшое дело внука поэта чрезвычайно информативно (рис. 5). В нем хранятся два личных листка по учету кадров (заполнены 30 сентября 1935 г. и 3 августа 1937 г.), две автобиографии (от 20 мая 1936 г. и 3 августа 1937 г.) [31, с. 13, 14], заявление об отпуске от 9 июля 1939 г., две машинописные выписки: из приказа от того же 9 июля 1939 г. и из распоряжения от 21 января 1939 г., записка заместителя заведующего рукописным отделом Л.В. Сафроновой от 9 января 1940 г. [8]. Кроме того к делу позже были приложены фотографии и лист из книги [12].

Идея устроить Г.А. Пушкина в библиотеку возникла не в 1932 г., как считал Г.А. Галин, ошибочно именовавший своего дядю научным сотрудником [5, с. 245], а в сентябре 1935 года. Именно тогда был заполнен первый листок по учету кадров, но, как часто бывало, если претендент происходил из дворян, решение вопроса сильно затянулось. Только спустя восемь месяцев, 20 мая 1936 г., внук поэта написал первую автобиографию [8, л. 6—6 об.], небольшие фрагменты из нее опубликованы [31, с. 13, 14]. Через три дня, 23 мая, на листке по учету кадров, выполнявшем одновременно функцию заявления о приеме на работу, директор библиотеки Е.Ф. Розмирович наложила положительную резолюцию, а 29 мая был заключен трудовой договор, хотя и кратковременный — всего на полтора месяца, до 15 июля¹⁹.

Причины длительного рассмотрения дела объясняет помета. В графе социальное происхождение честно написано: «Дворянин», и слово кем-то жирно подчеркнуто (рис. 6).

Устраивавшиеся на работу в советские учреждения дворяне стремились акцентировать заслуги перед новой властью и умалчивать факты, которые могли бы восприниматься негативно [2, с. 286, 289]. Обе тенденции характерны для документов Г.А. Пушкина. В частности, он не написал, что командовал полком. Другим неприятным моментом был вопрос о наличии родственников за границей. Внук поэта указал, что там проживают его «сводные брат и сестра», дети его отца от второго брака — Николай Александрович и Елена Александровна, в замужестве фон Розенмайер. Персональная пенсия вписана в графу «Какие награждения получил после Октябрьской революции» [8, л. 5 об.], поскольку демонстрировала определенное признание со стороны власти.

Трудовой договор с внуком поэта продлевался пять раз: 1) 17 августа 1936 г. — на четыре

месяца, до 15 декабря; 2) 1 апреля 1937 г. — на три месяца, до 1 июля; 3) 2 августа 1937 г. — на пять месяцев, до 31 декабря; 4) по 28 февраля 1938 г. (дата заключения договора не указана); 5) по 1 июля 1938 г. (дата заключения договора также не указана) [8, л. 1, 4]. Все даты, номера и сроки договоров вписаны на полях листков по учету кадров. В связи с очередными договорами 7 января 1938 г. и 20 января 1939 г. Г.А. Пушкин сделал на их последних страницах помету, что «изменений в анкете нет» [8, л. 2 об., 5 об.].

Таким образом, бывший полковник работал в библиотеке с 1936 г., но с перерывами, не постоянно. Такое неустойчивое положение не обеспечивало стабильного дохода и принципиально не влияло на жизнь семьи. Обращает на себя внимание перерыв в трудовой деятельности с декабря 1936 г. по март 1937 года. Возможно, он связан с активным участием в мероприятиях по случаю 100-летия со дня гибели поэта.

Закljučая один из договоров, 3 августа 1937 г. Г.А. Пушкин заполнил новый листок по учету кадров и в тот же день написал автобиографию [8, л. 4—6 об.]. Она короче аналогичного документа 1936 г., в ней отсутствовали указания на месяцы и более лаконично рассказано о военной службе.

На постоянную работу Г.А. Пушкин был принят только распоряжением № 9 от 21 января 1939 г., причем задним числом, с 1 января, с месячным испытательным сроком в рукописный отдел на должность библиотекаря I разряда и с окладом 325 руб., превышавшим персональную пенсию [8, л. 8]. Изменение статуса было связано с тем, что распоряжением от 23 декабря 1938 г. договорные работники упразднились, а увольнять внука поэта руководство библиотеки не захотело.

Он занимался разбором, систематизацией и первичным инвентарным описанием материалов, поступивших в библиотеку в конце 1920-х — первой половине 1930-х годов. Так, в течение 1938 г. он работал с фондами Корсаковых, Олениных, графов Орловых-Давыдовых, князей Шаховских, поэта А.А. Фета, публициста-славянофила, генерала от кавалерии А.А. Киреева, литературоведа Н.Н. Черногоубова, Нижегородским собранием рукописных книг и документами Российско-американской компании. Многие из текстов (в частности, переписка) были на иностранных языках, и в данном случае очень пригодилось свободное владение ими. Трудиться пришлось много и интенсивно. Только за февраль Г.А. Пушкин разобрал 9194 ли-

Рис. 6. Личный листок по учету кадров из личного дела Г.А. Пушкина [8, л. 1]

ста рукописей, и постепенно круг обязанностей расширялся: он также нумеровал листы, оформлял обложки дел, давал архивные шифры [32, л. 1—21].

Состояние здоровья не позволило внуку поэта проработать в библиотеке долго. С 16 июля по 28 августа 1939 г. он находился в отпуске [8, л. 9, 10], а 5 января 1940 г. в связи с переходом на инвалидность был уволен [8, л. 11]. После этого прожил меньше года и скончался 1 сентября, похоронен на семейном кладбище в Лопасне.

В истории устройства Г.А. Пушкина в Государственную библиотеку СССР им. В.И. Ленина следует отметить важное обстоятельство. В ходе чисток 1930-х гг. дворяне из нее активно изгонялись [33], но ради потомка гения сделали исключение, приняв его. Такой прецедент был одним из проявлений интеграции образа А.С. Пушкина в идеологию сталинской эпохи. Присутствие его внука в главном книгохранилище страны стало, с одной стороны, знаковым событием, своеобразным маркером преемственности, а с другой — объективно

обозначило тенденцию социальной мобильности определенного времени, когда знания представителей «враждебного класса» оказались незаменимы в социалистическом «культурном строительстве». Сотрудничество с библиотекой завершило длительный, трудный процесс адаптации царского полковника Г.А. Пушкина к жизни в новом, советском государстве.

Примечания

- ¹ В варианте автобиографии 1937 г. Г.А. Пушкин писал, что «на открытии памятника А.С. Пушкина в Москве отец решил поместить меня [в лицей] в память деда» [8, л. 7].
- ² Пока Г.А. Пушкин находился в Красной армии, от менингита умер его старший сын Сергей (1912—1920).
- ³ Г.А. Пушкин владел еще английским языком [8, л. 2].
- ⁴ Г.А. Галин утверждал, что с апреля 1923 г. Г.А. и А.А. Пушкины получали академические продовольственные пайки, а пенсию относил к 1924 г. [5, с. 244].
- ⁵ Нечаева Вера Степановна (1895—1979), литературовед, в 1931—1941 гг. работала в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина, основала и заведовала музеем Ф.М. Достоевского в Москве, доктор исторических наук (1948).
- ⁶ Телеграмма сохранилась, ее текст таков: «Благодарю [за] хлопоты. Прошу телеграфировать, когда крайность. Пушкин» [21, л. 2]. В тексте вместо слова «крайность» напечатано «крайпость», с чем и связано непонимание смысла П.С. Поповым.
- ⁷ Так в тексте.
- ⁸ Второй раз А.А. Пушкин был женат на Марии Александровне Павловой (1852—1919).
- ⁹ Так в тексте.
- ¹⁰ Гартунг Мария Александровна, рожденная Пушкина (1832—1919), дочь А.С. Пушкина.
- ¹¹ Меренберг Наталия Александровна графиня, рожденная Пушкина (1836—1913), дочь А.С. Пушкина.
- ¹² Видимо, Нестеров Михаил Васильевич (1862—1942), академик живописи (1898).
- ¹³ Шесть слов подчеркнуты простым карандашом.
- ¹⁴ Розмирович Елена Федоровна (1886—1953), секретарь Пушкинского комитета, в 1935—1939 гг. директор Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина.
- ¹⁵ Так в тексте.
- ¹⁶ Пушкина Клавдия Сергеевна (1914—1999), с 1934 г. жена Григория Григорьевича Пушкина.
- ¹⁷ Имеется в виду Всесоюзный пушкинский комитет.

- ¹⁸ Гончарова Наталья Ивановна, племянница жены А.С. Пушкина.
- ¹⁹ Сам Г.А. Пушкин указывал, что работает в библиотеке с 5 мая 1936 г. [8, л. 4].

Список источников

1. Чуйкина С.А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920—30-е годы). Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. 259 с.
2. Наумов О.Н. Дворяне Арсеньевы — сотрудники Библиотеки Государственного Румянцевского музея в постреволюционные годы // Библиотекословение. 2022. Т. 71, № 3. С. 285—294. DOI: 10.25281/0869-608X-2022-71-3-285-294.
3. Наумов О.Н. Пушкины и советская власть: (опыт социогенеалогического дискурса) // Клио. 2017. № 5. С. 105—114.
4. Полушин В.Л. Потомки великого древа. Красноярск : Бонус, 1999. 489 с.
5. Галин Г.А. Дети и внуки Пушкина. Москва : Новый индекс, 2009. 312 с.
6. Пушкины : генеалогическая энциклопедия. Москва : РОССПЭН, 2020. 591 с.
7. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 4. Оп. 12. Д. 154. 35 л.
8. Архив Российской государственной библиотеки. Оп. 125. Д. 473. 16 л.
9. Лукаш И.[С.] Отрезанная ветвь // Родина. 1990. № 6. С. 40—45.
10. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 9. Д. 27314.
11. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д. 177329. 11 л.
12. Русаков В.М. Потомки А.С. Пушкина. 2-е изд. Ленинград : Лениздат, 1978. 224 с.
13. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 217 (Г.П. Георгиевский). К. 13. Д. 86. 2 л.
14. Императорский Александровский лицей: воспитанники, педагоги и служащие : биографический словарь / авт.-сост. В.Н. Рыхляков. Москва : Старая Басманная, 2019. 551 с.
15. Русаков В.М. Избранные рассказы о потомках Александра Сергеевича Пушкина. Псков, 2010. 327 с.
16. Зелов Н.С. Уважение к памяти поэта // Вестник архивиста : спец. вып., посвященный 200-летию юбилею А.С. Пушкина. Москва, 1999. С. 98—104.
17. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 175. 238 л.
18. Пушкин Г.Г. Остался только я // Слово. 1994. № 7/8. С. 2—7.

19. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 1463. 9 л.
20. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Д. 1861. 3 л.
21. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 547 (П.С. Попов). К. 5. Д. 54. 2 л.
22. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-4359. Оп. 1. Д. 261. 9 л.
23. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 369 (В.Д. Бонч-Бруевич). К. 322. Д. 28. 5 л.
24. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 792 (В.С. Нечаева). К. 18. Д. 13. 4 л.
25. Манн П. Потомки великого поэта // Вечерняя Москва. 1935. 16 апр.
26. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 384. Оп. 6. Д. 17. 10 л.
27. Попов П.С. Новый архив А.С. Пушкина // Звенья. Т. 3/4. Москва ; Ленинград, 1934. С. 129—178.
28. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 369 (В.Д. Бонч-Бруевич). К. 194. Д. 37. 1 л.
29. Архив Российской государственной библиотеки. Оп. 22. Д. 127. 33 л.
30. Самарин А.Ю. М.П. Келлер — заведующий отделом редких книг Библиотеки Румянцевского музея // Румянцевские чтения. Историко-культурные традиции и инновационные преобразования России. Просветительская ответственность библиотек : Материалы международной науч. конф. Москва : Пашков дом, 2009. Ч. 1. С. 216—222.
31. Коваль Л.М. А.С. Пушкин и хранители памяти о нем // Вестник архивиста: спец. вып., посвященный 200-летию юбилею А.С. Пушкина. Москва, 1999. С. 8—14.
32. Архив Российской государственной библиотеки. Оп. 7. Д. 22. 21 л.
33. Куглюковская Л.И. Судьба сотрудников Румянцевского музея и Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина в период чисток и репрессий : (1918—1939 гг.) // Книга в пространстве культуры. 2008. Вып. 1. С. 28—46.

*Иллюстративный материал
предоставлен автором статьи*

Grigory Alexandrovich Pushkin — an Employee of the State Library of the USSR Named after V.I. Lenin

Oleg N. Naumov,

State University of Education, 10a Radio Str., Moscow, 105005, Russia

Russian State Library, 3/5 Vozdvizhenka Str., Moscow, 119019, Russia

ORCID 0000-0002-2442-2561

E-mail: onnaum@mail.ru

Abstract. The biography of Colonel Grigory Alexandrovich Pushkin (1868—1940), grandson of Alexander Pushkin, is reconstructed on the basis of unknown materials of the Manuscripts Department and the Archive of the Russian State Library (RSL). The article told about his service in the Imperial and Red Armies, his family and difficult financial situation after 1917. It is shown what bureaucratic difficulties accompanied the assignment of his personal pension in 1923 and subsequent assistance. Particular attention is paid to the solution of the housing problem and obtaining accommodation in Moscow. The Letters of G.A. Pushkin to G.P. Georgievsky (1919), V.D. Bonch-Bruевич (1933) and P.S. Popov (1933), are published in full for the first time, as well as letters from Yu.N. Pushkina to V.S. Nechaeva (1936) and from V.D. Bonch-Bruевич to G.A. Pushkin (1933), which are kept in the Manuscript Department of Russian State Library.

Article restores the history of G.A. Pushkin's working at the State Library of the USSR named after V.I. Lenin based on the Personnel Files. From 1936 till 1938 he signed temporary employment contracts, while he worked on a permanent position only from January 1939 to January 1940.

G.A. Pushkin's biography is analyzed in the context of the social history of the Russian nobility after 1917 and its adaptation to the Soviet reality. The author concludes that the official persecution of the former elite promoted the appearance of the staff with wide knowledge, proficiency in foreign languages and organizational experience in the State Library of the USSR named after V.I. Lenin. They influenced the development of the library as a research center.

Key words: G.A. Pushkin, Russian nobility, State Library of the USSR named after V.I. Lenin, V.D. Bonch-Bruевич, Pushkin's descendants, epistolary sources, social adaptation.

Citation: Naumov O.N. Grigory Alexandrovich Pushkin — an Employee of the State Library of the USSR Named after V.I. Lenin, *Bibliotekovedenie* [Russian Journal of Library Science], 2023, vol. 72, no. 3, pp. 235–249. DOI: 10.25281/0869-608X-2023-72-3-235-249.

References

1. Chuikina S.A. *Dvoryanskaya pamyat': "byvshie" v sovetskom gorode (Leningrad, 1920–30-e gody)* [Noble Memory: "Former People" in the Soviet City. Leningrad, 1920s–30s]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo Universiteta v Sankt-Peterburge, 2006, 259 p.
2. Naumov O.N. The Arsenyevs Nobles — Employees of the Library of the State Rumyantsev Museum in the Post-Revolutionary Years, *Bibliotekovedenie* [Russian Journal of Library Science], 2022, vol. 71, no. 3, pp. 285–294. DOI: 10.25281/0869-608X-2022-71-3-285-294 (in Russ.).
3. Naumov O.N. Pushkin and the Soviet Government (Experience of Socio-Genealogical Discourse), *Klio*, 2017, no. 5, pp. 105–114 (in Russ.).
4. Polushin V.L. *Potomki velikogo dreva* [Descendants of the Great Family Tree]. Krasnoyarsk, Bonus Publ., 1999, 489 p.
5. Galin G.A. *Deti i vnuki Pushkina* [Pushkin's Children and Grandchildren]. Moscow, Novyi Indeks Publ., 2009, 312 p.
6. *Pushkiny: genealogicheskaya ehntsiklopediya* [The Pushkins: Genealogical Encyclopedia]. Moscow, ROSSPEHN Publ., 2020, 591 p.
7. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv goroda Moskvy* [Moscow Central State Archive], coll. 4, aids 12, fol. 154, 35 p.
8. *Arkhiv Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki* [Archive of the Russian State Library], aids 125, fol. 473, 16 p.
9. Lukash I.S. The Severed Branch, *Rodina* [Homeland], 1990, no. 6, pp. 40–45 (in Russ.).
10. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military Historical Archive], coll. 400, aids 9, fol. 27314.
11. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military Historical Archive], coll. 409, aids 1, fol. 177329, 11 p.
12. Rusakov V.M. *Potomki A.S. Pushkina* [Pushkin's Descendants]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1978, 224 p.
13. *Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki* [Manuscripts Department of the Russian State Library], coll. 217 (G.P. Georgievsky), cart. 13, fol. 86, 2 p.
14. Rykhlyakov V.N. (ed.) *Imperatorskii Aleksandrovskii litsei: vospitanniki, pedagogi i sluzhashchie: biograficheskii slovar'* [Imperial Alexander Lyceum: Educators, Teachers and Employees: biographical dictionary]. Moscow, Staraya Basmanaya Publ., 2019, 551 p.
15. Rusakov V.M. *Izbrannye rasskazy o potomkakh Aleksandra Sergeevicha Pushkina* [Selected Stories about the Descendants of Alexander Sergeevich Pushkin]. Pskov, 2010, 327 p.
16. Zelov N.S. Respect for the Poet's Memory, *Vestnik arkhivista: spets. vyp., posvyashchennyy 200-letnemu yubileyu A.S. Pushkina* [Herald of an Archivist: Special Edition Dedicated to the 200th Anniversary of A.S. Pushkin]. Moscow, 1999, pp. 98–104 (in Russ.).
17. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation], coll. R-4737, aids 1, fol. 175, 238 p.
18. Pushkin G.G. It's Only Me Left, *Slovo* [Word], 1994, no. 7/8, pp. 2–7 (in Russ.).
19. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation], coll. A-2306, aids 1, col. 1463, 9 p.
20. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation], fol. 1861, 3 p.
21. *Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki* [Manuscripts Department of the Russian State Library], coll. 547 (P.S. Popov), cart. 5, fol. 54, 2 p.

22. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation], coll. R-4359, aids 1, fol. 261, 9 p.
23. *Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki* [Manuscripts Department of the Russian State Library], coll. 369 (V.D. Bonch-Bruevich), cart. 322, fol. 28, 5 p.
24. *Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki* [Manuscripts Department of the Russian State Library], coll. 792 (V.S. Nechaeva), cart. 18, fol. 13, 4 p.
25. Mann P. The Descendants of The Great Poet, *Vechernyaya Moskva* [Evening Moscow]. 1935, April 16 (in Russ.).
26. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva* [Russian State Archive of Literature and Art], coll. 384, aids 6, fol. 17, 10 p.
27. Popov P.S. New Archive of A.S. Pushkin, *Zven'ya* [Links], vol. 3/4. Moscow, Leningrad, 1934, pp. 129–178 (in Russ.).
28. *Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki* [Manuscripts Department of the Russian State Library], coll. 369 (V.D. Bonch-Bruevich), cart. 194, fol. 37, 1 p.
29. *Arkhiv Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki* [Archive of the Russian State Library], aids 22, fol. 127, 33 p.
30. Samarin A.Yu. M.P. Keller — The Head of the Department of Rare Books of the Library of the Rumyantsev Museum, *Rumyantsevskie chteniya. Istoriko-kul'turnye traditsii i innovatsionnye preobrazovaniya Rossii. Prosvetitel'skaya otvetstvennost' bibliotek: Materialy mezhdunarodnoi nauch. konf.* [Rumyantsev Readings. Historical and Cultural Traditions and Innovative Transformations of Russia. Educational Responsibility of Libraries: Proceedings of the International Scientific Conference]. Moscow, Pashkov Dom Publ., 2009, part 1, pp. 216–222 (in Russ.).
31. Koval L.M. A.S. Pushkin and the Keepers of His Memory, *Vestnik arkhivista: spets. vyp., posvyashchennyi 200-letnemu yubileyu A.S. Pushkina* [Herald of an Archivist: Special Edition Dedicated to the 200th Anniversary of A.S. Pushkin]. Moscow, 1999, pp. 8–14 (in Russ.).
32. *Arkhiv Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki* [Archive of the Russian State Library Archive], aids 7.II, fol. 22, 21 p.
33. Kuglyukovskaya L.I. The Fate of the Employees of the Rumyantsev Museum and the State Library of the USSR Named after V.I. Lenin during the Purges and Repressions: (1918–1939), *Kniga v prostranstve kul'tury* [Book in the Space of Culture], 2008, issue 1, pp. 28–46 (in Russ.).

Новая книга

Читальные залы Российской государственной библиотеки (1862 год — начало XXI века) : монография / М-во культуры Российской Федерации, Российская гос. б-ка ; [сост. и отв. ред. М.Я. Дворкина]. Москва : Пашков дом, 2023. 250, [1] с. : ил.

Научное издание посвящено читальным залам крупнейшей библиотеки Российской Федерации. Дано общее представление о читальном зале как структурном подразделении библиотеки и культурном феномене. Рассмотрена история и современное состояние читальных залов Российской государственной библиотеки. Представлена характеристика важнейших специализированных читальных залов.

Подробная информация:

Российская государственная библиотека,
издательство «Пашков дом»
119019, Москва, ул. Воздвиженка, д. 3/5
Тел.: +7 (495) 695-59-53, +7 (499) 557-04-70, доб. 26-46
E-mail: Pashkov_Dom@rsl.ru, sale.pashkov_dom@rsl.ru
Сайт: www.rsl.ru/pashkovdom